

Леонид МЛЕЧИН

САМЫЕ БОЛЬШИЕ НЕУДАЧНИКИ В ИСТОРИИ

Леонид Млечин

**Самые большие
неудачники в истории**

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2023

УДК 94
ББК 63.3(0)

Млечин Л. М.

Самые большие неудачники в истории / Л. М. Млечин — ИД
"АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2023

ISBN 978-5-6048210-2-2

Историки не любят сослагательного наклонения. А почему, собственно? Разве все в мире предопределено? Если вглядываться в прошлое, то очевидны исторические развилки, когда открывались разные пути. Отказываясь представить себе, как могли бы развернуться события при иных условиях, мы отказываемся от самой мысли о том, что жизнь могла бы быть лучше. Необходимо мыслить в сослагательном наклонении, изучать альтернативы, чтобы, учитывая уроки прошлого, избегать ошибок в будущем. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-6048210-2-2

© Млечин Л. М., 2023
© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2023

Содержание

Демоны не исчезают	6
Эрцгерцог Фердинанд и крушение империи	8
Кайзер Вильгельм	10
Шабаш на Вальпургиевой горе	12
От кайзера до фюрера	15
Лавр Корнилов. Генералы в политике	17
На белом коне	20
Генеральская экономика	22
Наследство Пиночета	23
Генералы и радикалы	25
В погонах и без погон	27
Александр Керенский. Самое опасное – проявить слабость?	29
В ожидании победы	30
Если бы правительство не свергли	31
Его носили на руках!	33
Расстрельный приказ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Леонид Млечин

Самые большие неудачники в истории

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛ

www.argumenti.ru • выходит по средам

© Млечин Л.М., 2023

© ООО «Издательство «Аргументы недели», 2023

Демоны не исчезают

Вместо предисловия

Историки не любят сослагательного наклонения. Что толку фантазировать!

А почему, собственно? Разве все в мире предопределено?

Диктатура изъявительного наклонения мешает нам разбираться в истории. Когда говорят, что сослагательное наклонение применительно к истории не имеет ни малейшего резона, то тем самым отказываются представить себе, как могли бы повернуться события, если бы действующие лица той или иной драмы вели себя иначе. Слепой фатализм лишает возможности не только точнее осознать прошлое, но и понять, что выбор существовал и существует всегда.

Отказываясь представить себе, как могли бы развернуться события при иных условиях, мы отказываемся от самой мысли о том, что жизнь могла бы быть лучше. Необходимо мыслить в сослагательном наклонении, изучать альтернативы, чтобы, учитывая уроки прошлого, избегать ошибок в будущем.

Скажем, свержение русского императора весной 1917 года вовсе не было предопределено. Сложись события иначе, поведи себя сам Николай II и другие ключевые фигуры того времени по-другому, – вполне возможно, сохранились бы и монархия, и империя.

Конечно же, прежде всего интересны главные действующие лица истории. Исторический процесс – сменяющаяся вереница портретов. Вот пример. Если бы в октябре 1917 года в Петрограде не было бы ни Ленина, ни Троцкого, не произошла бы Октябрьская революция. Судьба России сложилась бы иначе! Вот какова роль личности в истории.

Я – не фаталист. Всегда хочется понять: почему главные действующие лица истории вели себя так, а не иначе? Что на них повлияло?

В Австрии наша телевизионная съемочная группа заехала в городок Браунау, где родился Адольф Гитлер. Характерно, что в городе никто не хотел разговаривать с нами о Гитлере! Не гордятся своим земляком.

Все-таки мы отыскали дом, где он родился. Стоя там, я не мог не думать о том, что, если бы Гитлер не появился на свет, не было бы и Второй мировой войны. Осенью 1939 года никто не хотел воевать. Кроме одного человека – Гитлера. И он сумел втравить мир в бойню. Почему? Ответ на этот вопрос можно найти, только проникая в тайны его личности. Если бы Гитлер был способен рационально мыслить, он не решился бы на войну, которую Германия ни при каких обстоятельствах не могла выиграть.

Все, кому по-настоящему интересна история, читают рассекреченные документы, мемуары, научные монографии и изумленно восклицают: вот, оказывается, почему все это произошло!.. Беда в том, что мы привыкли жить в сплошных мифах. Процесс восстановления реальной истории идет трудно, потому что слишком неприглядная рисуется картина.

Историческая наука развивается, как и любая другая. Учебники по биологии и физике стареют еще быстрее. Отворачиваться от нового в истории просто нелепо. Новые документы, научные изыскания, новый уровень понимания прошедшего постоянно меняют наши представления о событиях и исторических фигурах. Дело не только в том, что вводятся в оборот новые пласты документов. Осмысление прошлого дает иную глубину понимания. Но и много десятилетий спустя многое остается непонятным или непонятым, что не только рождает ожесточенные споры между учеными, но и ссорит целые государства. А ведь есть и кажущиеся невероятными истории, смысл которых еще предстоит понять и оценить.

Без осознания прошлого невозможно понять настоящее. Пока не разберемся с прошлым, не продвинемся вперед...

Демоны не исчезают. Они просто спят.

Конечно, история – не поваренная книга, содержащая проверенные рецепты на все случаи жизни. Она может помочь уяснить ход событий в сопоставимых ситуациях, хотя каждое поколение должно само решить, какие ситуации являются сопоставимыми.

Если вглядываться в прошлое, то очевидны исторические развилки, когда открывались разные пути. Выбрали одну дорогу, а могли бы пойти и по другой.

Кто же совершил ошибку? Об этом книга, которую вы держите в руках.

Эрцгерцог Фердинанд и крушение империи

Наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд, чья смерть стала поводом для начала великой войны, вошел в историю как тупой солдафон, не заслуживающий сочувствия.

В политических и придворных кругах Австро-Венгрии известие об убийстве эрцгерцога и его жены в боснийском городе Сараеве летом 1914 года восприняли с трудно скрываемым удовлетворением. Все были рады избавиться от конкурента. Даже траурную церемонию устроили намеренно скромную. Венские газеты писали о «похоронах по третьему разряду».

Сама Австро-Венгерская империя рождала лишь насмешки и издевки, воспринималась как жалкое и безнадежно отсталое государство, угнетавшее своих подданных, мечтавших о национальной самостоятельности.

И спровоцированная убийством эрцгерцога Первая мировая война казалась случайной и никому не нужной. Принято считать, будто европейские властители в 1914-м абсолютно не хотели воевать и в равной степени виновны в этой катастрофе. Всем понравилось выражение британского премьер-министра Дэвида Ллойда Джорджа: в войну «соскользнули».

В реальности все было не так. Изучение истории разрушает комфортные отношения с прошлым. Это Германия развязала войну в 1914-м, как и в 1939-м. И стой же целью: завоевать власть над миром. Германская империя – предшественница Третьего рейха. Невозможно понять Первую мировую и все, что последовало за ней, не признавая идеологических страстей, которые бушевали на континенте и закончились для Европы бедой...

Европейские монархи вступали в брак в своем узком кругу. Даже самые видные аристократы в него не допускались. Нарушение правил наказывалось. Князь Александр I Баттенбергский, правитель Болгарии, хотел жениться на австрийской актрисе Йоханне Лойзингер. Но смог это себе позволить только после отречения от престола.

Эрцгерцог Франц Фердинанд сильно огорчил семью, когда женился на чешской графине Софии, которую безумно любил и которая так и не была признана венским двором. Почему? В ее жилах не текла королевская кровь. Император Австро-Венгрии Франц Иосиф в конечном итоге разрешил брак при условии, что ни София, ни будущие дети, рожденные в браке, не станут претендовать на трон.

Супруги никогда не жалели о своем решении вступить в брак, хотя придворный протокол портил им жизнь. Софии не разрешалось появляться рядом с мужем на официальных церемониях. Только в роли генерального инспектора вооруженных сил Австро-Венгрии он мог быть вместе с женой. Супруги воспользовались этим пробелом в строгом протоколе, и София поехала в Сараево с мужем. Поэтому убили обоих, первая пуля попала в Софию...

Следуя семейной традиции, согласно которой каждый мужчина в династии Габсбургов, правившей Австрией с XIV века, обязан был служить в армии, эрцгерцог поступил на военную службу очень юным и в пятнадцать лет уже был произведен в лейтенанты. Он служил в пехотном полку в Богемии, в гусарском в Венгрии и в драгунском в Верхней Австрии. Получил генеральские эполеты. Во время службы заболел туберкулезом легких. Опасная болезнь в ту пору, от нее умерла его мать.

Франц Фердинанд слыл фанатичным охотником и отличным стрелком. В ту пору это не осуждалось – благородная мужская забава. Предпочитал крупную дичь – тигров, львов и слонов, в которых стрелял во время своих кругосветных путешествий.

В политике наследник престола придерживался благоразумных идей. Во что бы то ни стало желал избежать войны с Россией, чтобы, как он говорил, «царь России и император Австрии не свергли друг друга с трона и не открыли путь революции». Как в воду смотрел. Когда его убили, путь к мировой войне был открыт...

А ведь он, похоже, сознавал, что на него охотятся.

Жена его племянника Цита Бурбон-Пармская, которой суждено будет со временем стать последней австрийской императрицей, запомнила поразивший ее разговор с Францем Фердинандом.

Когда его супруга София вышла, чтобы уложить детей, наследник престола вдруг произнес:

– Должен кое-что вам сказать... Меня убьют!

Цита и ее муж эрцгерцог Карл в ужасе посмотрели на Франца Фердинанда. Карл попытался возразить, но наследник строго произнес:

– Я точно это знаю. Через пару месяцев я буду мертв.

Несколько секунд царила тишина, потом он тихим, спокойным голосом добавил, обращаясь к Карлу:

– Я оставил для тебя в своем сейфе кое-какие бумаги. После моей смерти прочти их. Может быть, они окажутся полезными.

Франц Фердинанд желал хороших отношений не только с Россией.

Австрия и Венгрия договорились о превращении империи в дуалистическую монархию. Австрийский император возлагал на себя и венгерскую корону. Единая армия и общая внешняя политика. Бюджет согласовывался двумя парламентами – в Вене и Будапеште. Эрцгерцог Франц Фердинанд предполагал уравновесить влияние венгров созданием внутри империи еще и королевства южных славян.

Женатый на чешской графине, он считал необходимым улучшить жизнь славян, населявших Австро-Венгрию. Поэтому выходившая во Львове газета назовет его смерть «катастрофой» для западных украинцев, подданных империи... В Австро-Венгрии жили немцы, чехи, поляки, сербы, хорваты, словенцы, русины. А еще венгры, румыны, итальянцы...

Империя превращалась в современное многонациональное государство. Франц Иосиф предоставил всем народам империи равные права. Образование – на разных языках, бюрократия – многоязычная. Армейские офицеры умели отдавать приказы на одиннадцать языках, не считая немецкого.

Парламент избирался всеобщим голосованием. Правда, женщины – как практически и во всей Европе – еще были лишены права избирать. Равенство перед законом, свобода выражения мнений, развитие национальных языков и культур – такой была Австро-Венгрия.

Казавшаяся устаревшей монархия породила удивительно богатую культурную жизнь. В ту пору Вена, многонациональная столица, была шестым по величине городом в мире. Здесь творили основатель психоанализа Зигмунд Фрейд, композитор Густав Малер, философ Людвиг Витгенштейн, художник Густав Климт, писатель Стефан Цвейг...

Сегодня Австро-Венгерскую империю рассматривают как предшественницу Европейского союза. Если на то пошло, национальное, моноэтническое государство – не единственная форма политического устройства. Многонациональное государство может быть очень успешным.

Но в ту пору Австро-Венгрию мало кто ценил. Населявшие империю поляки, чехи, сербы – да почти что все! – желали обрести собственное государство. Даже немцы разошлись во мнениях. Кто-то стал австрийским патриотом, а кто-то не понимал, почему отделен государственной границей от Германии. Родившийся в Австрии Адольф Гитлер вырос поклонником Германии. Считал австрийцев неполноценными немцами, а быть неполноценным он не хотел.

В начале XX века яростный национализм охватил Европу. И стал главной причиной Первой мировой войны.

Кайзер Вильгельм

Кем был последний немецкий кайзер Вильгельм II? Кровожадным тираном или игрушкой в руках своих воинственных генералов?

Вильгельм постоянно противоречил сам себе. Часто казалось: он явно не понимает, что говорит. Но он был крайне самоуверен. «Я и есть министерство иностранных дел, – провозглашал он. – Я единственный определяю внешнюю политику Германии».

Кайзера собственные министры невысоко ценили. По существу, игнорировали. Или ловко им манипулировали. Имперский канцлер Бернхард фон Бюлов проводил собственную амбициозную политику, но твердил, что лишь «исполняет волю его величества». Во время войны кайзер будет полезен своим генералам в сфере связей с общественностью – он ездил на фронт и вручал награды отличившимся на поле боя.

Его решимость завоевать Германии «место под солнцем» уходила корнями в его детство. При родах врач повредил мальчику левую руку. Он был инвалидом, но скрывал свою слабость. Закомплексованный кайзер мечтал в результате войны стать фигурой номер один на мировой арене.

Объединивший Германию канцлер Отто фон Бисмарк говорил:

– Великие вопросы времени решаются не речами и не постановлениями большинства, а железом и кровью.

В начале XX века Германия была готова пойти на все для достижения цели, которой не могла добиться мирными средствами: стать супердержавой.

Цель имперской Германии при кайзере Вильгельме II: сокрушить Францию и Россию, добиться экономической и политической гегемонии в Европе, завоевать территории и ресурсы на востоке. Чем этот план отличался от целей нацистской Германии во Второй мировой?

Германия должна «победить врага сейчас, когда у нас есть шанс на победу», – настаивал начальник генерального штаба генерал Хельмут фон Мольтке.

Если бы кайзеровская Германия выиграла Первую мировую войну – а это ей почти удалось! – она бы господствовала на суше и на море. Победа Германии сделала бы весь мир небезопасным.

Немецкий историк Вернер Зомбарт говорил тогда:

«Мы – божий народ. Подобно тому, как немецкая птица – орел – летит выше всякой твари земной, так и немец вправе чувствовать себя превыше всех народов, окружающих его, и взирать на них с безграничной высоты... Милитаризм-это выражение немецкого героизма».

Уже тогда в Германии мир поделили на расы, полноценные и неполноценные. Худшая – семитская. Лучшая – арийская, нордическая, германская. Это высокие, сильные белокурые люди с голубыми глазами, уроженцы Северной Европы. Лишь они созидатели.

Опирались эти биологи на идеи всем известного Чарлза Дарвина. Его теория естественного отбора произвела огромное впечатление на биологов XX века.

Главный пропагандист этих идей – кузен Дарвина британский антрополог Фрэнсис Гальтон. Его точка зрения: человечество нужно выращивать, отбраковывая негодный генетический материал и распространяя полноценный генофонд. Эти идеи легли в основу евгеники, науки о наследственном здоровье человека и путях его улучшения.

Евгеника стала популярной в Англии после Англо-бурской войны начала XX века. Лондон никак не мог одержать победу над южноафриканскими бурами, и военную слабость Англии приписали упадку британской расы.

Британский философ Хьюстон Стюарт Чемберлен заявил: история – это борьба рас. Судьба человека полностью определяется биологией. Восхищенный германским духом Чемберлен утверждал, что только немцы – лучшие из лучших – способны управлять миром. Эти

идеи широко распространялись, и немцы поверили в свое духовное превосходство. Чемберлен женился на дочери немецкого композитора Рихарда Вагнера и переселился в Германию.

Еще до Гитлера страстным поклонником Чемберлена оказался германский кайзер Вильгельм II. Он пригласил к себе автора: «Бог послал немецкому народу вашу книгу и вас лично мне». Кайзер вспоминал, как ему не хватало образования для руководства страной: «И тут появились вы и привнесли порядок в хаос, свет в темноту. Вы объяснили то, что было непонятно. Показали пути, которыми следует идти ради спасения Германии и человечества». В разгар Первой мировой Чемберлен получил германское подданство.

Немецкий философ Освальд Шпенглер писал:

«Хороший удар кулака имеет больше ценности, чем добрый исход дела; в этом заложен смысл того презрения, с которым солдат и государственный деятель смотрят на книжных червей, полагающих, что всемирная история есть будто бы дело духа, науки или даже искусства».

Вот почему после убийства сербскими боевиками эрцгерцога в Сараеве кайзер Вильгельм твердо сказал австрийскому послу, что Вена может рассчитывать на его «полную поддержку» и что императору Францу Иосифу следует поторопиться с ударом по Сербии. Слова кайзера превратили локальный кризис в общеевропейский.

Так Германия развязала войну, которую проиграет вместе со своими союзниками по Четверному союзу-Австро-Венгрией, Османской империей и Болгарией. И в конце 1918 года потерпевшая поражение империя начнет распадаться.

Шабаш на Вальпургиевой горе

Империя Франца Иосифа простиралась от Инсбрука на западе до Карпат на востоке и от Праги до границ с Сербией и Черногорией. Проиграв войну, огромная Австро-Венгрия развалилась очень быстро. Для пятидесяти миллионов людей рождалось что-то новое и захватывающее на руинах более не существующей империи. Чехи, словаки, поляки, хорваты – все жаждали независимости!

На европейской карте появились новые государства, которые составили Центральную и Восточную Европу, – Чехо-Словакия, Польша, Королевство сербов, хорватов и словенцев (позднее Югославия). Австрия и Венгрия тоже стали отдельными странами.

Все это казалось торжеством справедливости. Многие верили, что впереди славная эра прогресса. Но у сложных вопросов нет простых ответов. Трудно определить, кто к какой этнической группе принадлежит и где должна быть проведена граница. Новые государства претендовали на одни и те же территории.

Один народ за другим провозглашал создание собственного государства. И сразу брались за оружие, чтобы отхватить и территорию соседа. Рассуждали так: зачем нам быть меньшинством в вашем государстве, когда вы можете быть меньшинством в нашем?

Новые страны демонизировали Австро-Венгерскую монархию: тюрьма народов! Это вошло в учебники. Но три десятилетия назад, когда в крови распадалась Югославия и соседи убивали друг друга, историки другими глазами взглянули на события столетней давности. Возникла ностальгия по временам империи. Иначе оцениваются и возникшие на ее обломках страны: там установились жесткие режимы и злобный национализм.

Националистические идеи в Восточной Европе были сильнее, чем обычно считалось. Многие мечтали о чисто национальных государствах – без «чужих», без этнических меньшинств. Хорошо исследовано увлечение европейской молодежи в двадцатые годы марксизмом. Гораздо меньше известно о том, что в те же годы другая часть молодежи в неменьшей степени увлекалась и национальным социализмом. Слово «фашизм» для многих ушей звучало тогда сладкой музыкой. Фашизм казался мощным средством восстановления чувства национальной гордости и успешного решения многих проблем европейских государств.

Национализм пользовался широкой, страстной и сознательной поддержкой как народных масс, так и интеллигенции. Идеологические утопии превратились в практическую политику. Немногие сознавали опасность национализма, охватившего Европу после Первой мировой.

Среди них была знаменитая революционерка Роза Люксембург. Она принадлежала к основателям небольшой социал-демократической партии Польши и Литвы, боровшейся с партией будущего маршала Юзефа Пилсудского. Большинство поляков жаждали национального самоопределения, то есть отделения от России. Роза Люксембург, напротив, желала единства.

Некоторые ее слова словно написаны сегодня:

«Со всех сторон нации и малые этнические группы заявляют о своих правах на образование государств. Истлевшие трупы, исполненные стремления к возрождению, встают из столетних могил, и народы, не имевшие своей истории, не знавшие собственной государственности, стремятся создать свое государство. На националистической горе Вальпургиева ночь».

Роза Люксембург была невысокого мнения о праве народов на самоопределение: это «метафизическая формула, которая оставляет на усмотрение каждой нации решение этой проблемы». Она стремилась прежде всего выяснить: полезна ли национальная независимость для самого народа, для его соседей и для социального прогресса? Есть ли экономические условия для возникновения нового государства?

На свете существуют тысячи языков, но меньше двухсот государств. Роза Люксембург опасалась средневековой анархии, к которой вернется Европа, если каждая этническая группа потребует создания собственного государства. Она была права.

18 октября 1918 года во Львове украинцы – депутаты австро-венгерского парламента и местных собраний, представители культурных и общественных организаций сформировали Национальную раду и заявили о переходе власти к украинскому народу. Рада объявила, что объединяет Галицию, Северную Буковину и Закарпатье в единое государство. 1 ноября провозгласили создание Западно-Украинской народной республики.

Но Варшава не позволила украинцам создать собственное государство. Только что появившуюся на политической карте Польшу возглавил Юзеф Пилсудский. Он намеревался широко раздвинуть границы Польши за счет Украины, Белоруссии и Литвы.

Когда-то у галицийской украинской интеллигенции был «роман» с Польшей. Привлекательность Польши состояла в том, что она воспринималась как часть иного, западного мира. Часть украинской знати отдавала предпочтение польскому языку и польской культуре. Остался в память об этом монумент поэту Адаму Мицкевичу в центре Львова. И украинский гимн «Ще не вмерла України» очень напоминает польский – «Еще Польша не згинела».

4 ноября 1918 года на Западно-Украинскую республику двинулись польские войска, они атаковали Львов и в ночь на 22 ноября взяли город. Польша просто присоединила к себе Западную Украину. Западноукраинские земли поляки именовали Восточной Малопольшей, не признавали за украинцами права на минимальную автономию. Это породило отчаяние и озлобление среди западных украинцев. Именно в Польше между двумя великими войнами расцвел воинственный украинский национализм.

В сорок первом году немецкие войска еще не успевали вступить в город, а на Западной Украине местные жители уже убивали коммунистов и устраивали еврейские погромы. Все затхлое, тупое и мерзкое словно ждало прихода вермахта. На Украине и в Прибалтике, писал немецкий писатель-антифашист Рольф Хоххут, евреи чувствовали себя как в пустыне: им негде было спрятаться. Соседи оказались едва ли не страшнее немцев...

Новые государства, возникшие на обломках Австро-Венгерской империи – Югославия и Чехо-Словакия, – несли в себе зародыши этнических конфликтов.

Образовавшаяся после Первой мировой Чехо-Словакия была многонациональной. Но составившие ее разные народы сражались между собой во время Первой мировой. Немецкое население составляло три с половиной миллиона человек и требовало автономии. Проблема с судетскими немцами не была единственной. Соседняя Польша претендовала на Тешинскую Силезию, где жили поляки. Но к национальным меньшинствам – немцам, евреям, полякам – в Праге относились высокомерно.

В марте 1939 года страна была оккупирована вермахтом и расчленена. Тешинскую область прихватила Польша. Чехия исчезла с политической карты. Появился Протекторат Богемии и Моравии. Формально им управляло чешское правительство, фактически всем руководили немцы. Чешские рабочие исполняли немецкие заказы. Гитлер был доволен вкладом протектората в военное производство. Ни одного случая саботажа!

«Чехи, – записывал в дневнике имперский министр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс, – работают к нашему полному удовлетворению и делают максимум возможного под лозунгом – «Все для нашего фюрера Адольфа Гитлера!»

Словакия 14 марта 1939 года с разрешения Гитлера была провозглашена независимой и превратилась в профашистское государство.

– Создание Чехо-Словакии после Первой мировой спасло чехов от германизации, а нас от мадьяризации, ведь чехи жили под немцами, а словаки – под венграми, – так выразился один современный словацкий политик. – Мы были как маленькие дети, которые живут в одной

комнате. Но когда дети выросли, каждому была нужна своя комната. Лучше быть хорошими братьями в разных комнатах, чем плохими в одной.

Впрочем, независимость была формальной. 23 июня 1941 года Словакия объявила войну Советскому Союзу. Президент и епископ Йозеф Тисо отправил словацкий легион на Восточный фронт воевать против Красной армии. Парламент Словакии проголосовал за депортацию евреев в нацистские лагеря смерти. Причем страна взяла на себя обязательство оплачивать расходы Германии по отправке евреев в лагеря.

Президент Тисо писал папе римскому:

«Наша вера состоит в нашей благодарности немцам, которые не только признают естественное право нашего народа на существование, независимость и национальную свободу, но и поддерживают нас в борьбе против чехов, врагов нашего народа».

Венгерские фашисты действовали эффективнее, чем гестапо: всего за пять месяцев отправили в нацистские лагеря шестьсот тысяч евреев. Семьдесят тысяч венгерских евреев загнали в гетто в Пеште, на берегу Дуная. Хладнокровно наблюдали за тем, как они умирали от голода и холода.

Румынский диктатор Йон Антонеску и его генералы убили минимум двести тысяч евреев. Причем евреи были лишь одной из групп, от которых хотели избавиться. Румыны ликвидировали и цыган, и украинцев. Хорваты убивали не только евреев, но и с еще большим удовольствием соседей-сербов. Поляки и литовцы ожесточенно уничтожали друг друга. Словаки и хорваты, которым Гитлер подарил по собственному государству, охотнее других помогали нацистам.

В 1941 году нацистская Германия напала на Югославию, после чего страна была оккупирована и расчленена. Причем Югославию разграбили соседи. Венгрия присоединила к себе Воеводину. Болгария прихватила Македонию и часть южной Сербии. Словению поделили Италия и Германия. Италии досталась и большая часть адриатического побережья Хорватии.

Хорватские националисты милостью Гитлера получили возможность создать собственное государство, к которому присоединили часть Боснии и Герцеговины. И это государство многое позаимствовало у нацистов. Прежде всего расовую политику. Хорватия – для хорватов. Остальным тут не место.

– Хорватское государство отвергает существовавшую доселе правовую точку зрения, будто все люди равны, – заявил министр юстиции в Загребе.

Запретили кириллицу – как принадлежность чуждой культуры. Приняли закон о «защите арийской крови». И приступили к строительству трудовых и концентрационных лагерей для «нежелательных и опасных лиц». Усташи истребляли целые населенные пункты. Причем убивали с особой жестокостью: перерезали горло своим жертвам. Так и не удалось выяснить, сколько сербов погибло в хорватских лагерях. Историки называют цифру в сто двадцать тысяч человек.

Жители оккупированной Боснии и Герцеговины шли на службу в добровольческую горнострелковую дивизию войск СС «Ханджар» (в переводе на русский – «меч»). Мобилизацией боснийских мусульман рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер попросил заняться великого муфтия Иерусалима Амина аль-Хуссейни. Он вдохновлял молодых босняков на священную борьбу с иноверцами – сербами и хорватами.

В январе 1944 года великий муфтий выступал перед личным составом дивизии «Ханджар»:

– Дивизия, в которой с помощью Великой Германии служат боснийские мусульмане, стала примером для мусульман во всем мире. Исламский мир и Великую Германию связывает общность целей. Враги рейха – это и наши враги.

От кайзера до фюрера

Как сложилась судьба самой Австрии? Эта страна напоминает роскошную коробку шоколада, перевязанную ленточкой. Или, во всяком случае, хочет таковой казаться. Белые альпийские вершины, венская опера, голубой Дунай, по которому плывут вызывающие ностальгию старые буксирные суда, вальсы Штрауса, любовь к старому порядку вещей, комфорт и уют.

В 1938 году Адольф Гитлер присоединил Австрию к нацистской Германии.

«В Австрию вступили немецкие войска, и Гитлер объявил о присоединении Австрии к германскому рейху, – вспоминала актриса и кинорежиссер Лени Рифеншталь, которая поставила свой талант на службу Третьему рейху. – В почти религиозном экстазе австрийцы тянули руки навстречу Гитлеру. Плакали от радости».

И австрийцы дали волю своей истеричной и злой ненависти к славянам, евреям и цыганам. Многие австрийцы спешили вступить в нацистскую партию. Надевали форму вермахта и отправлялись на войну.

Австрийский полицейский Густав Шварценеггер, отец Арнольда, который станет знаменитым актером, подал заявление в нацистскую партию вскоре после присоединения Австрии к великогерманскому рейху. И вступил в штурмовые отряды – боевой отряд партии. Когда началась война, отец будущей кинозвезды служил в полевой жандармерии. Занимался «наведением порядка» на временно оккупированных советских территориях, то есть боролся с партизанами и уничтожал мирное население. Густав Шварценеггер служил под Ленинградом. Ему повезло. Он демобилизовался в феврале 1944 года – по болезни.

Едва ли не самые мерзкие нацистские убийцы были родом из Австрии. Особенно много австрийцев служило в главном управлении имперской безопасности. Командовавший австрийскими отрядами СС Эрнст Кальтенбруннер, чьи щеки были в шрамах от студенческих дуэлей, говорил с сильным австрийским акцентом. Он стал начальником главного управления имперской безопасности, то есть руководил в Третьем рейхе всей машиной уничтожения.

Неожиданное назначение. Более заметные фигуры в империи СС рассчитывали на продвижение. Но рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер выбрал австрийца Кальтенбруннера. После войны его повесят в Нюрнберге вместе с другими главными военными преступниками...

Когда Германия проиграла Первую мировую, осенью 1918 года, кайзер Вильгельм II на своем поезде благоразумно уехал в Голландию. На границе покорно сдал свою саблю голландскому таможенному чиновнику.

Антанта намеревалась судить кайзера за разжигание войны. Но в январе 1920 года правительство Нидерландов отвергло требование союзников выдать Вильгельма II. В том же году покончил с собой его тридцатилетний сын Иоахим. Через год умерла его жена. В 1922-м кайзер вновь женился.

Адольф Гитлер презирал человека, которого считал ответственным за поражение Германии в Первой мировой войне, а Вильгельм был шокирован бандитской тактикой нацистов. В 1938 году кайзер заметил, что впервые ему стало стыдно быть немцем.

Но когда Гитлер пустил в ход силу, Вильгельм радовался каждому успеху вермахта, писал Гитлеру: «Поздравляю вас и вооруженные силы Германии с дарованной Богом грандиозной победой».

После капитуляции Франции в 1940-м гордо произнес:

«Блестящие генералы, которые вели эту военную кампанию, вышли из моей школы! Они сражались в ту войну под моим командованием в качестве лейтенантов, капитанов и молодых майоров. Они претворяли в жизнь планы, разработанные под моим руководством».

Нацисты продолжали политику кайзера Вильгельма, начавшего Первую мировую. Поэтому через два десятилетия после поражения в этой войне, в 1939 году, развязали новую,

куда более кровопролитную, во много раз превзойдя кайзеровскую империю в амбициях и жестокости. Результатом стал полный разгром Германии и крах идеологии, основанной на расовой теории. В сорок пятом страна практически перестала существовать – по вине своих вождей...

А в Восточной Европе прошлое не умирает, здесь словно вернулись к тридцатые годы XX столетия. В Польше тон задают националистические силы, очень напоминающие довоенные партии. У власти авторитарное правое правительство, тесно связанное с реакционной католической церковью. В расколотых остатках Югославии не утихает этническая рознь. Венгрия вновь обрела свой довоенный национализм, здесь пытаются реабилитировать Миклоша Хорти, который заключил союз с Адольфом Гитлером, отправил венгерские войска воевать вместе с вермахтом и назвал 22 июня 1941 года, день нападения на Советский Союз, «счастливейшим в моей жизни».

Довоенные пороки, прежде всего антисемитизм, присутствуют в современной политике восточноевропейских государств до такой степени, какой не было в ту пору, когда они находились по другую сторону исчезнувшего железного занавеса...

Лавр Корнилов. Генералы в политике

Как изменилась бы судьба России, если бы летом 1917 года власть в стране взял генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов? Он был невероятно популярен в ту пору.

«Храбрый рубака, способный воодушевить личным примером армию во время боя, – писал министр Временного правительства Павел Николаевич Милюков, – бесстрашный в замыслах, решительный и настойчивый в выполнении их».

«Никогда не забуду его темного, сумрачного лица, его узких калмыцких глаз, – вспоминал один из руководителей военного министерства. – В качестве телохранителей его сопровождали текинцы; впереди и позади его автомобиля ехали автомобили с пулеметами... На вокзале в Москве ему была устроена торжественная встреча. На площадь он был вынесен на руках. Народ приветствовал его раскатистым «ура»... Когда в Большом театре появилась небольшая фигура Корнилова, вся правая часть зала и большинство офицеров встают и устраивают генералу грандиозную овацию. Зал сотрясается от оглушительных аплодисментов, каких в его стенах не вызывал даже Шаляпин».

Корниловский мятеж – одна из загадок революции. И по сей день не так просто понять, что именно тогда произошло.

Лавр Георгиевич Корнилов – человек энергичный и смелый, но склонный к авантюризму. Выходец из низов. В его случае это означало, что он был крайне амбициозным и хотел во что бы то ни стало прорваться наверх.

В июле 1917 года Временное правительство утвердило его верховным главнокомандующим. А всего через месяц с небольшим генерал Корнилов, возмущенный хаосом и анархией в стране и армии, потребовал себе диктаторских полномочий.

И у него нашлись сторонники и поклонники. В Петрограде и в Москве многие связывали с ним большие надежды. Люди жаждали сильной власти, на которую можно перевалить ответственность за свою жизнь. Казалось, вот человек, который в один день восстановит в стране порядок и вернет Россию к нормальной жизни!

Но у него ничего не получилось.

Почему? И что стало бы с Россией в случае его успеха?

Сын волостного писаря Лавр Георгиевич Корнилов окончил кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба с малой серебряной медалью. Служил в Туркестанском военном округе. С пользой для военного ведомства совершил экспедиции в Афганистан и Китай. Во время неудачной Русско-японской войны продемонстрировал хладнокровие и мужество под Мукденом.

С началом Первой мировой принял 48-ю пехотную дивизию. Дивизия отступала, дважды едва избежала разгрома. Его командир генерал Алексей Алексеевич Брусилов считал, что Корнилов дивизию не жалел, она несла ужасающие потери:

«Очень смелый человек. Корнилов всегда был впереди и этим привлекал к себе сердца солдат, которые его любили. Они не отдавали себе отчета в его действиях, но видели его всегда в огне и ценили его храбрость».

В апреле 1915 года дивизия оказалась в окружении. Корнилов, раненный, попал в плен. Но летом 1916 года бежал. В плену оказался не один десяток русских генералов, а бежал один Корнилов, за что удостоился приема у императора, ордена Святого Георгия III степени и получил под командование 25-й армейский корпус. Побег из вражеского плена в царской армии отмечался почетной нашивкой на рукаве кителя. Таких офицеров награждали и продвигали по службе.

После Февральской революции генерала Корнилова назначили командующим Петроградским военным округом:

«Для установления полного порядка, для спасения столицы от анархии командировать на должность доблестного боевого генерала, имя которого популярно и авторитетно в глазах населения».

Но генерал попросился из столичного военного округа на фронт. Мировая война продолжалась. Антанта, в которую входила Россия, противостояла странам Четверного союза и постепенно одерживала победу.

В мае Корнилов принял 8-ю армию на Юго-Западном фронте. По удивительному стечению обстоятельств в этой армии служили будущие вожди Белого движения: генералы Алексей Максимович Каледин, Антон Иванович Деникин, Сергей Леонидович Марков...

Корнилову нужны были солдаты, умеющие и желающие сражаться. Он сформировал из добровольцев ударный отряд, который прорвал австрийский фронт и успешно наступал. Корнилов стал командующим фронтом. Но вооруженные силы разваливались – после того, как лишили трона императора Николая II и началась Февральская революция.

Вот тогда Россия услышала твердый голос генерала Корнилова.

Командующий Юго-Западным фронтом потребовал восстановить смертную казнь, чтобы заставить армию подчиняться приказам:

«Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которые русская армия еще не знала с самого начала своего существования».

В 1917 году действующая армия насчитывала больше семи миллионов человек, и от ее позиции зависела судьба страны. С февраля шла борьба за армию между Временным правительством и Петроградским советом рабочих депутатов. В Петроградский совет вошли сотни солдатских депутатов, и они принесли с собой огромный запас ненависти к офицерам, дисциплине, воинской службе и, разумеется, к войне.

Временное правительство решило опираться на Корнилова, рассчитывая на его популярность. 19 июля его назначили верховным главнокомандующим.

24 июля Корнилов подписал приказ:

«Необходимо добиваться, чтобы солдаты вновь приняли воинский вид, подтянулись и не допускали никаких вольностей в форме одежды... Разнузданный и расхлестанный вид человека, носящего форму, будь то солдат, или офицер, позорит не только воинское звание защитника Родины, но и самый народ, сыном которого он является».

Мгновенный взлет сыграл с ним злую шутку. Генерал ощутил себя более значительной фигурой, чем был в реальности.

Он телеграфировал председателю Временного правительства Александру Федоровичу Керенскому:

«Я, генерал Корнилов, вся жизнь которого с первого дня сознательного существования и доныне проходит в беззаветном служении Родине, заявляю, что Отечество гибнет. Я никогда в жизни не соглашусь быть одним из орудий гибели Родины. Довольно! Если правительство не утвердит предлагаемых мною мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию, то я слагаю с себя полномочия главнокомандующего».

Корнилова окружали люди авантюрного склада, желавшие сместить правительство, взять власть и обосноваться в Зимнем дворце. Они внушали Корнилову, что только он спасет Россию, а стране нужна военная диктатура. Лавру Георгиевичу нравилось, когда его называли вождем.

27 августа он отправил из Ставки в Петроград 3-й конный корпус генерала Александра Михайловича Крымова для проведения операции против большевиков. Но глава правительства Керенский решил, что Корнилов намерен его сместить, и снял генерала с должности.

Корнилов приказу не подчинился.

Временное правительство приказало предать его суду как мятежника. В ответ Корнилов обещал покарать «изменников в Петрограде» и провозгласил себя правителем России. По радио – очень современно! – обратился к стране: Временное правительство действует под давлением большевиков и в соответствии с планами германского генерального штаба.

Офицеры его поддержали, но солдаты не приняли сторону генерала, потому что совершенно не хотели воевать. Армия шла за большевиками: они обещали немедленно заключить мир и распустить солдат по домам.

После неудачного Корниловского мятежа Временное правительство не продержалось в Зимнем дворце и двух месяцев. Больше всех выиграли большевики. Теперь их уже никто не сможет остановить.

На белом коне

Генерал Корнилов в конце 1917 года возглавил Добровольческую армию. Она родилась в казачьей столице – городе Новочеркасске. Сюда со всей страны устремились не признавшие октябрьский переворот в Петрограде офицеры, кадеты (воспитанники начальных военно-учебных заведений) и юнкера (курсанты военных училищ).

Они надеялись превратить Юг России в базу войны против большевиков. Верили в природный монархизм казаков. Но ошиблись. Нежелание казаков сражаться с наступавшими красногвардейцами вынудило генерала Корнилова в середине января 1918 года перевести все добровольческие формирования в Ростов-на-Дону. Но и Ростов не оправдал ожиданий: рабочее в основном население враждебно встретило офицеров.

Возникла другая идея: если донцы не желают воевать с большевиками, может, поднять кубанцев? Корнилов объявил поход на Кубань. Пробивались с боями. Добровольческая армия выработала такую тактику: фронтальная атака густыми цепями при слабой артиллерийской поддержке – не хватало ни орудий, ни снарядов. Плохо обученные красные части не выдерживали яростной атаки и отходили.

Добровольцы вышли к Екатеринодару (ныне Краснодар). Но выяснилось, что они опоздали: в городе большевики. Корнилову противостояли значительные силы красных. От Добровольческой армии осталась половина. Но генерал, не считаясь с потерями, требовал продолжать штурм города.

Генерал Деникин прямо спросил:

– Лавр Георгиевич, почему вы так упорствуете?

Командующий обреченно ответил:

– Выхода нет, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, пушу себе пулю в лоб.

Деникин встал и с пафосом произнес:

– Выше высокопревосходительство! Если генерал Корнилов покончит с собой, то никто не выведет армии – она погибнет.

Антон Иванович ошибался. Как раз смерть Корнилова дала шанс Добровольческой армии, которую вскоре возглавит сам Деникин.

Штаб Корнилова находился в доме, который принадлежал Екатеринодарскому сельскохозяйственному обществу. Дом сохранился! Несколько лет назад я его нашел.

Ни мемориальной доски, ничего! Я не большой поклонник Лавра Георгиевича Корнилова, но он сыграл немалую роль в истории России. Как минимум храбро сражался в Первую мировую.

В восьмом часу утра снаряд, выпущенный красной артиллерией, угодил точно в комнату командующего. Когда офицеры вошли в комнату, Корнилов лежал на полу. Умиравшего генерала на носилках вынесли на берег Кубани.

Он еще дышал. Антон Иванович Деникин склонился над ним. Он позднее вспоминал: глаза Корнилова были закрыты, на лице выражение мученической боли.

Это произошло 31 марта (13 апреля по новому стилю) 1918 года. Смерть командующего пытались скрыть, но безуспешно. Один-единственный снаряд попал в дом Корнилова. Именно в его комнату. И убил его одного! Мистический страх распространился в армии. «Все кончено», – обреченно говорили добровольцы.

В их представлении все было связано с Корниловым: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение! И когда его не стало, многим казалось, что Белое дело проиграно. Так со временем и произойдет. Белая армия проиграет Гражданскую войну...

Символично, что в ноябре 1920 года последний командующий белыми войсками генерал Петр Николаевич Врангель покинет Крым на борту бронепалубного крейсера «Генерал Корнилов».

Прежде крейсер назывался «Очаков». В первую русскую революцию уволенный со службы лейтенант флота Петр Петрович Шмидт поднял восстание на «Очакове». На следующий день мятеж был подавлен. Лейтенанта Шмидта расстреляли за «попытку к насильственному ниспровержению существующего строя». Крейсер переименовали.

Лавр Георгиевич Корнилов не был рожден для роли «генерала на белом коне». Ему лучше было бы не заниматься политикой. Он мыслил слишком прямолинейно. Но другим-то генералам сопутствовала удача. И что из этого выходило?

Генеральская экономика

Многие генералы в разных странах врываются в политическую жизнь в ореоле воинской славы, гипнотизируя избирателей блеском золотых звезд и погон. Но первый успех часто оказывался обманчивым.

В Португалии, где полвека существовала диктатура, в 1974 году молодые офицеры совершили бескровную «революцию гвоздик», провели первые демократические выборы и передали власть законно избранному правительству.

В Польше министр национальной обороны генерал армии Войцех Ярузельский в 1981 году возглавил страну и ввел военное положение, но в 1990-м провел выборы, и президентский пост перешел к лидеру оппозиции Леху Валенсе.

Есть еще одна страна, чей опыт многим нравится. История Южной Кореи – это история военных переворотов. Страной управляли сменявшие друг друга генералы – Пак Чжон Хи, Чон Ду Хван, Ро Дэ У.

При Пак Чжон Хи начался рост экономики. Корея завалила мир дешевой обувью, текстилем и другими потребительскими товарами. В семидесятые годы Пак зажал страну в кулак и стал развивать металлургию и судостроение. Во время Второй мировой Пак служил в императорской армии (Корея была оккупирована Японией) и фактически повторил японскую модель: высокий уровень сбережений, контроль над рынком, дисциплина.

Пак Чжон Хи требовал, чтобы ему еженедельно давали сводку выпуска кирпича. Но не для того, чтобы устроить разгон или снять директора завода. Президент просто хотел знать, сколько можно строить.

Даже при генералах правительство вмешивалось в экономику очень осторожно. Генералы были диктаторами лишь в политике. Сознавали, что в этой сфере надо не приказывать, а дать бизнесменам свободу. Хорошо работает только свободная экономика.

В восьмидесятые годы стало ясно, что твердая рука, генеральское правление лишь мешают стране. После трех десятилетий индустриализации Южная Корея начала превращаться в современное общество, которое требовало перемен.

Бывший генерал-десантник Ро Дэ У пришел к власти, чтобы подвести черту под эпохой военных переворотов. Было очевидно, что времена генералов в южнокорейской политике закончились. И еще больших успехов Южная Корея достигла, когда военные ушли и их место заняли избранные народом политики.

А судьба генералов, которые руководили Кореей, сложилась не очень удачно. Генерал Пак Чжон Хи был застрелен начальником собственной разведки. Два других генерала, Чон Ду Хван и Ро Дэ У, сменившие друг друга на посту президента, сели на скамью подсудимых.

В Южной Корее извлекли уроки из этой истории. Политик, который находится у власти, думает о том, что произойдет с ним после ухода в отставку. И не делает ничего такого, за что потом придется расплачиваться.

Наследство Пиночета

Спор о том, был ли военный переворот благом или несчастьем для Чили, не прекращается и по сей день. Когда в 1973 году военные под командованием генерала Аугусто Пиночета свергли законно избранного президента Сальвадора Альенде, мир содрогнулся. Когда прошло несколько лет, и в стране начался экономический подъем, на военных стали смотреть снисходительно, а потом их и вовсе принялись именовать спасителями нации.

И долгие годы многим казалось: а может быть, и в самом деле в Латинской Америке военные режимы действуют более успешно, чем гражданские правительства? Военные диктатуры казались эффективными и устойчивыми.

Сам генерал Пиночет всегда считал, что реформы можно проводить только при наличии сильной руки. Но в последние годы Чили опровергает слова генерала. Страна зажила полноценной жизнью, преуспела в развитии экономики именно после того, как военные уступили власть гражданским.

Несколько десятилетий назад двенадцать из девятнадцати латиноамериканских правительств были авторитарными. Теперь практически на всем континенте правят гражданские президенты. Политические перемены сопровождаются экономическими. После долгих лет упадка в Латинской Америке начался стремительный подъем. На всем континенте были проведены реформы: отпустили цены, сделали свободной торговлю, приватизировали государственные предприятия. Лозунг везде был один: больше рынка, меньше государства.

Генерал Пиночет в свое время сделал лишь один разумный шаг – согласился принять услуги чикагских экономистов, которые принесли с собой программу, опробованную во всех развитых странах. Но там не понадобилось совершать военный переворот, чтобы реализовать разумные экономические идеи!

Восхищение Пиночетом скрывает презрительное отношение к народу: он, дескать, способен распорядиться своей судьбой и нуждается в надсмотрщике, который кнутом погонит его к счастью. Демократия – роскошь, которую могут себе позволить другие страны, а на нашей почве она не приживется...

Если бы военные перевороты были верным путем к экономическому процветанию, то вся Латинская Америка давным-давно должна была бы процветать. Однако же диктатуры вели свои страны не только к кровопролитию, но и к нищете. На собственном кровавом опыте Латинская Америка убедилась в том, что нет иного выхода из кризиса, кроме развития рыночной экономики. Вот это и есть главный урок Чили – для Латинской Америки и для многих других стран. А сам генерал Пиночет последние годы жил в ожидании суда. И это тоже урок для поклонников чилийского пути.

Режим Пиночета был преступным и использовал преступников.

В нацистской Германии штандартенфюрер СС Вальтер Рауф служил в главном управлении имперской безопасности, занимался созданием технических средств для массового уничтожения людей. Душегубки – это его работа.

В конце войны Рауф руководил СД и полицией безопасности в Северной Италии. Наступавшие американские войска отправили его в лагерь для военнопленных. Он бежал. С помощью католического священника скрывался в монастыре. Отправился в Сирию. Бывший штандартенфюрер СС был назначен уполномоченным по реорганизации сирийских спецслужб. Перестроил тайную полицию, «второе бюро», по образцу гестапо.

Когда в Дамаске произошел очередной военный переворот, Рауфа обвинили в применении пыток. Рауф отправился в Латинскую Америку. Обосновался в Чили. Когда власть захватил генерал Пиночет, услуги бывшего штандартенфюрера СС вновь потребовались. Рауф

работал на министерство внутренних дел, делился опытом, участвовал в пытках политзаключенных.

В ноябре 1975 года начальник чилийской тайной полиции генерал Мануэль Контрерас пригласил полсотни офицеров спецслужб из Уругвая, Аргентины, Парагвая, Боливии, Бразилии, Перу и Эквадора в Сантьяго. Здесь их приветствовал Аугусто Пиночет. Договорились помогать друг другу выслеживать и уничтожать политических врагов.

Так началась операция «Кондор» – в честь стервятника, парящего над Андами. Она объединила восемь южноамериканских военных диктатур. Они совместно планировали похищения, пытки, изнасилования и убийства политических противников.

Военные перевороты стерли демократию почти на всем континенте. Десятки тысяч людей были убиты военными правителями в семидесятых и восьмидесятых годах. Жертвы исчезали – в основном их сбрасывали в море с самолетов или вертолетов.

Почему Соединенные Штаты помогали военным диктатурам? Боялись революций в Латинской Америке.

В 1966 году аргентинский революционер Эрнесто Че Гевара попрощался со своим товарищем по оружию Фиделем Кастро и покинул Кубу, чтобы поднять революцию во всей Латинской Америке. Через год Че Гевару убили в Боливии. Но страх остался.

И в Западной Европе знали, что происходит на континенте. В 1977 году представители западногерманских, французских и британских спецслужб тайно прибыли в Аргентину для изучения методов «Кондора». Это было время расцвета левого терроризма – итальянских «Красных бригад», немецкой «группы Баадера-Майнхоф», Ирландской республиканской армии... Европейские спецслужбы не справлялись с волной террора и хотели воспользоваться методами «Кондора».

В восьмидесятые годы диктатуры рушились одна за другой, но страх перед насилием все еще преследует Латинскую Америку.

Генералы и радикалы

Иногда военные – защита от радикалов.

Турецкие генералы несколько раз брали власть в стране, ущемляя права человека, но одновременно они не пускали к власти радикальных исламистов, которые уничтожили бы демократию в стране. Однако постепенно военные утратили свое положение, а радикалы укрепились.

Нечто подобное произошло и в Пакистане. С момента объявления независимости в 1947 году страна находится в состоянии конфликта с соседней Индией, поэтому военные – хозяева страны. Они разрешают президенту, парламенту, правительству исполнять свои функции. Если генералам что-то не нравится, они убирают правительство и распускают парламент. Но пакистанские генералы сами взрастили своих врагов.

«Мы помогли создать моджахедов, – вспоминал бывший президент страны генерал Первез Мушарраф, – мы зажгли в них религиозный огонь, мы их вооружили и отправили вести джихад против советских войск в Афганистане. Мы не думали о том, как вернуть их к нормальной жизни после победы в войне. Эта ошибка нам дорого обошлась».

Спихнулись, когда вооруженные ими террористы вышли из-под контроля. А фундаменталисты решили, что военные недостаточно ревностно следуют канонам ислама, да еще и опорочены сотрудничеством с Соединенными Штатами.

Радикальный ислам проник в армию, и для кого-то из офицеров исламские идеалы важнее армейского братства, что еще недавно было невозможно. Самого генерала Мушаррафа дважды пытались убить.

В первый раз его спасла американская техника, которая на несколько секунд задерживает передачу радиосигнала для взрывателя. Его кавалькада на большой скорости успела проскочить мост, под который была заложена взрывчатка. Взрыватели сработали, когда машины уже проехали.

Во второй раз камикадзе направил грузовик, набитый взрывчаткой, на его лимузин. Один из охранников пожертвовал собой, преградив своей машиной путь грузовику. Погибли четырнадцать человек. Полтора десятка исламистов потом приговорили к смертной казни. Половина из них была офицерами пакистанской армии.

И в Египте с 1952 года, когда военные взяли власть в стране, ничто не решается без армии. Гамаль абд альНасер, Анвар ас-Садат, Хосни Мубарак были военными, хотя они правили страной, сняв мундир. Всех троих ненавидели радикально настроенные исламисты.

Они несколько раз пытались убить Насера, который приказал их сокрушить. Тысячи исламистов оказались в тюрьме, многих замучили до смерти. Повесили теолога Саида Кутба, с чьим именем связывают возникновение доктрины радикального исламизма.

В окружении террориста Осамы бен Ладена всегда повторяли:

– Саид Кутб сформировал наше поколение.

Сменивший Насера на посту президента Анвар ас-Садат как человек набожный симпатизировал фундаменталистам. Не сознавал, что эти люди, готовые без колебаний пожертвовать и своей, и чужой жизнью, никогда не простят ему мира с Израилем.

Его убили 6 октября 1981 года, во время парада армии, которую он любовно пестовал. Халед аль-Исламбули, старший лейтенант египетской армии, остановил военный грузовик перед трибуной. Бросил в президента гранату и стал поливать его огнем из автомата.

Садатудачно выбрал себе преемника. Генерал Хосни Мубарак прославился во время октябрьской войны 1973 года. Он командовал военно-воздушными силами Египта, которые впервые на равных сражались с израильской авиацией. Мубарак продолжил политику своего предшественника.

И те же, кто убил Садата, охотились на Мубарака. Наконец пробил их час – началась «арабская весна». В 2011-м она смела Мубарака. Президентом стал Мохаммад Мореи, лидер радикальных исламистов. Но насладиться своей победой они не успели.

При Мубараке египетская армия превратилась в высшую касту. Оснащенная современным американским оружием, она ощущает себя стеновым хребтом государства. Генералам не понравилось, как с ними обошелся президент Мореи.

Министр обороны Абд аль-Фаттах ас-Сисси заявил:

– Мы лучше умрем, нежели позволим, чтобы народ терроризировали и шантажировали. Мы клянемся пожертвовать своей кровью ради Египта, мы защитим нацию от террористов, экстремистов и невежд.

В Иране в свое время вооруженные силы не посмели выступить против аятоллы Хомейни. Но Египет – не Иран.

Египетские генералы совершили переворот. Отстранили от власти Мореи и арестовали его соратников. И очень многие египтяне были рады перевороту и благодарили военных. Президентом стал фельдмаршал ас-Сисси.

В погонах и без погон

В пятидесятые и шестидесятые годы на Востоке приходили к власти националистически настроенные молодые военные, например ливийский полковник Муаммар Каддафи. Революция означала отказ от колониального прошлого, от монархий, от старых режимов, чтобы вернуть утраченное самоуважение и добиться социальной справедливости в стране.

Военные приходили к власти, обещая свободу и равенство. Но кумиры, которыми толпа так восхищалась, устраивали себе красивую и роскошную жизнь. Сажали всех, кто мешал им наслаждаться неограниченной властью и воровать. И в конце концов люди восставали против коррумпированных диктатур.

И все-таки военные продолжают брать власть в свои руки. В Таиланде – в 2014-м, в Зимбабве – в 2017-м, в Судане и Алжире – в 2019-м, в Мали – в 2020-м. После пандемии ковида произошла целая серия военных переворотов – от Западной Африки до Юго-Восточной Азии. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш назвал это «эпидемией». Когда страна в бедственном положении, военные уверенно заявляют: только мы знаем, как спасти родину...

Вообще говоря, в самых что ни на есть демократических странах тоже к власти приходили генералы.

В роли французского президента генерал Шарль де Голль жестоко подавил товарищей по оружию, которые требовали, чтобы он не предоставлял Алжиру независимость. Военные несколько раз пытались убить генерала де Голля.

Американский генерал Дуайт Эйзенхауэр, в годы Второй мировой верховный главнокомандующий войсками союзников в Европе, кавалер советского высшего полководческого ордена «Победа», став президентом, возненавидел военно-промышленный комплекс. Он был до такой степени страстным противником войны и милитаризма, каким может быть только опытный военный.

Военные приходили к власти в разных странах и в разное время. Трудно всех стричь под одну гребенку. Опыт показывает, что политическая удача сопутствует генералам, когда они перестают быть генералами. Из генерала может выйти хороший политик, если он вовремя снимет погонны и поймет, что должен не приказывать, а убеждать. Не командовать, а следовать законам, в том числе законам экономики...

Так что бы произошло, если бы летом 1917 года генерал Корнилов взял власть?

За несколько дней до Октября известный революционер Леонид Борисович Красин, который вскоре станет наркомом и членом ЦК партии большевиков, писал жене:

«Настроение у толпы более кислое и злое, чем летом, да и в политике идет какая-то новая анархистско-погромная волна... Пожалуй, если бы Корнилов не поторопился, его выступление могло бы найти почву».

Россия находилась на распутье. При генералах мог сложиться жесткий режим, но без разрушения экономики, без раскулачивания и уничтожения крестьянства.

Последний командующий белой армией генерал Петр Николаевич Врангель начал на юге успешные экономические преобразования, сохраняя политический плюрализм. Во главе правительства он поставил Александра Васильевича Кривошеина, помогавшего Петру Аркадьевичу Столыпину проводить земельную реформу, которая в начале XX века преобразила Россию. Генералы хотели удержать страну на том пути, каким она шла с тех великих реформ, превративших Россию в одну из основных экономических держав. Россия вошла в пятерку крупнейших промышленно развитых стран.

Многие европейские государства после Первой мировой прошли через авторитарное правление. Из двадцати восьми европейских стран только одиннадцать имели демократические конституции. В большинстве воцарились диктаторские режимы. Как, скажем, в Испании,

которой долгое время управлял Франциско Франко, самый молодой генерал в Европе после Наполеона. Когда он ушел, Испания отказалась от диктаторского прошлого, вернулась к нормальной жизни и вошла в общеевропейское сообщество.

Александр Керенский. Самое опасное – проявить слабость?

Министры Временного правительства, которые руководили страной с февраля по октябрь 1917 года, говорили потом, что не случись большевистского переворота, не был бы подписан сепаратный договор с кайзеровской Германией в Брест-Литовске 3 марта 1918 года. Россия закончила бы Первую мировую войну вместе с союзниками по Антанте и вместе со всеми заключила бы мир в Версале.

Но Временное правительство не позволило бы союзникам по Антанте заключить договор с разгромленной кайзеровской империей на таких невыносимо обидных для немцев условиях. Следовательно, не появился бы Адольф Гитлер, нацисты не взяли бы власть в Германии и не развязали бы Вторую мировую войну...

Более того, руководители Временного правительства были уверены, что если бы Александр Федорович Керенский оставался у власти, Российская империя бы не распалась, сохранилось бы единое государство...

В ожидании победы

Первая мировая война затянулась, но император Николай II, возложивший на себя обязанности верховного главнокомандующего, нисколько не сомневался в победе России и ее союзников по Антанте над державами Четверного союза – Германией, Австро-Венгрией, Османской империей и Болгарией.

Почему в феврале 1917 года Николай уехал из Петрограда в Могилев, где находилась Ставка? Его ждал начальник штаба верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев. Императору предстояло утвердить план большого наступления – в апреле, оно должно было стать сокрушающим ударом по Германии. А министр иностранных дел Николай Николаевич Покровский предложил императору готовить военную операцию, чтобы взять Босфор и Константинополь.

Сложилось мнение, будто в Первую мировую российская армия терпела поражение за поражением. Это вовсе не так!

Правда, неудачно сложилась судьба войск, которые в самом начале войны – в августе 1914 года перешли границу и начали наступление на Восточную Пруссию.

«Вторжение в Восточную Пруссию было не только нашей обязанностью, но и диктовалось нам инстинктом самосохранения, – вспоминал выдающийся военный теоретик генерал-майор царской армии Александр Андреевич Свечин. – Германия поворачивалась к нам, с началом войны, спиной. Мы должны были напрячь свои силы, чтобы больно ее укусить и помнить при этом, что чем больше наш укус, тем скорее ее руки выпустят схваченную за горло Францию и кулаки ее обрушатся на нас».

Потери российской армии в первый год войны были значительными. Но рухнул план начальника германского генерального штаба графа Альфреда фон Шлиффена быстро разгромить Францию и после этого развернуть все силы против России. Кайзеровскому командованию пришлось изменить свои планы, ослабить нажим на Францию и перебросить войска с Западного на Восточный фронт.

Летом 1916 года Юго-Западный фронт начал успешную операцию, которая позволила нанести серьезный удар по австрийским и немецким войскам. Это знаменитый Луцкий прорыв, который при советской власти стал именоваться Брусиловским, поскольку генерал Алексей Алексеевич Брусилов перешел на сторону советской власти. На самом деле главную роль сыграл командующий 8-й армией генерал Алексей Максимович Каледин, но он был врагом большевиков, и его вычеркивали из истории.

На Кавказском фронте, которым умело командовал генерал Николай Николаевич Юденич, русские войска наступали, взяли города Эрзурум и Трапезунд.

«Российская армия, – вспоминал Уинстон Черчилль, в ту пору первый лорд адмиралтейства, – вступила в кампанию 1917 года непобедимой и более сильной, чем когда-либо».

Генералы понимали, что Первая мировая будет выиграна. Но зачем делить победу с императором? Ни генералы, ни депутаты Государственной думы, очень влиятельной в ту пору, не желали позволить императору победоносно закончить войну. Победителями должны были стать они сами. И по праву управлять послевоенной Россией. Потому и решили в феврале 1917 года избавиться от императора.

Если бы правительство не свергли

Для Франции и Англии, да и для других европейских стран Первая мировая стала кровавой бойней. Погибло вдвое больше британцев, втрое больше бельгийцев и вчетверо больше французов, чем во Вторую мировую.

Франция потеряла больше всех. Под ружье призвали восемь миллионов человек. Погибли почти полтора миллиона. Еще полмиллиона попали в плен и пропали без вести. Ежедневно на поле боя находили свою смерть примерно девятьсот французских солдат. Как говорить о победе при таких ужасающих потерях?

Разгром французской армии в начале войны привел к тому, что немецкие войска глубоко вторглись на территорию страны, готовились штурмовать Париж. В результате всю войну боевые действия шли на французской территории. Отчаяние распространилось по стране. Разочарование и усталость были столь велики, что во французской армии начался мятеж. Целые дивизии выходили из повиновения. Солдаты дезертировали, штурмом брали поезда на Париж и требовали создания солдатских советов, как это происходило в России.

В Англии среди мобилизованных в армию (это в основном рабочий класс) погиб каждый десятый. А среди офицеров, то есть, как правило, младших сыновей аристократических семейств, – каждый пятый! Никогда британская аристократия не несла таких потерь.

– Когда я вижу список убитых, – печально констатировал тогдашний британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж, – то думаю, зачем нам было одерживать все эти победы?

Британия вступила в войну как мировой кредитор, а окончила вся в долгах. Франция пострадала больше всех, но Англия потратила больше других. И после окончания боевых действий премьер-министр Ллойд Джордж обещал «выжать из германского лимона все».

Разгром, крах, бегство – к российской армии в Первую мировую это не относилось. Российская армия действовала значительно удачнее.

В 1916 году Россия согласилась еще и напрямую помочь изнемогающей Франции. Из Парижа прибыли министр юстиции Рене Вивиани и министр вооружений Альбер Тома. 28 апреля в Могилеве, где находилась Ставка, они подписали соглашение об отправке русских войск во Францию.

Император откликнулся на просьбу Парижа компенсировать потери французских войск в боях с немцами. Отправил во Францию сорок тысяч солдат – четыре бригады. Среди тех, кого послали воевать на Западный фронт Первой мировой, был будущий министр обороны СССР маршал Родион Яковлевич Малиновский.

После окончания войны Франция потребовала отрезать от Германии Эльзас и Лотарингию, где была сосредоточена горно-металлургическая промышленность, и Саарскую область, богатую углем. Польша, только что получившая независимость, претендовала на Верхнюю Силезию с ее угольными месторождениями и порт Данциг (Гданьск). Литва рассчитывала на порт Мемель (Клайпеда). Дания желала получить северную часть Шлезвиг-Гольштейна.

Русскую землю в Первую мировую немецкий сапог не топтал. Поэтому и не возникло такого страстного желания отомстить, заставить немцев расплатиться за причиненные ими страдания и компенсировать потери.

Если бы Временное правительство оставалось у власти, российская делегация участвовала бы в переговорах в Версале, где победители в Первой мировой определяли будущее Европы. И российская дипломатия позаботилась бы о том, чтобы условия мирного договора были иными – менее обидными и не воспринимались бы в Германии как несправедливые, грабительские и глубоко унижительные. Именно эти настроения приведут к власти нацистов во главе с Гитлером...

Да и ситуация внутри России была бы иной. Если бы Временное правительство не свергли, не вспыхнула бы Гражданская война, и империя бы не рассыпалась.

Принято считать, будто национальные движения разрушили Российскую империю. На самом деле в 1917-м сепаратизма еще не было. Народы России желали всего лишь культурной автономии, сохранения родного языка, традиций, желали, чтобы их интересы учитывались высшей властью в далекой столице...

Политический сепаратизм, выход из состава России, попытки создать самостоятельные государства начались уже после октября 1917 года, после прихода к власти большевиков.

Его носили на руках!

Деятельность Временного правительства и по сей день остается недооцененной. Но если бы не Октябрь, Россия стала бы крупнейшей индустриальной державой, не заплатив такой страшной цены, которую ее заставили заплатить большевики.

Что произошло в 1917-м?

В феврале императора заставили отказаться от власти. Предполагалось, что Николай передаст трон сыну – цесаревичу Алексею. Но он был неизлечимо болен. Сознавая, что век больного мальчика не будет долгим, Николай не хотел с ним разлучаться.

Изменил свою ВОЛЮ:

«Мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского».

Рвущийся к власти истеблишмент такой вариант не устроил. Председатель государственной думы Михаил Владимирович Родзянко связался с начальником штаба верховного главнокомандующего генералом Алексеевым:

– Кандидатура Михаила Александровича как императора неприемлема.

Родзянко сообщил Алексееву, что найдено иное решение: будет созвано Учредительное собрание.

А пока что власть берет на себя Временное правительство:

– Это гарантирует колоссальный подъем патриотических чувств, небывалый подъем энергии, абсолютное спокойствие в стране, и победа, самая блестящая, этим обеспечивается. Войска в Петрограде, услышав такое решение, начали успокаиваться.

Председатель Думы не понимал, что происходит в стране.

Устранение Николая – это дворцовый или военный переворот. А вот после того, как он покинул трон, произошел слом государственной машины и общественного строя. Очень скоро исчезла и Государственная дума – законно избранный парламент. Тогда и началась революция, разрушившая империю.

Временное правительство рассчитывал возглавить Родзянко, который называл себя «самым большим и толстым человеком в России». Он верил в свои таланты.

Самоуверенно сказал:

– Дайте мне власть, я расстреляю, но в два дня все будет спокойно и будет хлеб.

Но коллеги-депутаты назвали другое имя – князь Львов: хороший человек и безупречный работник, талантливый организатор, чуждый интриг.

Министр-председатель и одновременно министр внутренних дел Временного правительства князь Георгий Евгеньевич Львов вел свой род от Рюриковичей. В Первой Государственной думе он руководил врачебно-продовольственным комитетом: по всей стране создавал пекарни, столовые и лечебницы для голодающих, погорельцев, малоимущих. В начале войны князя избрали главноуполномоченным Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам.

Руководители Временного правительства искренне говорили:

– Мы не сохраним этой власти ни минуты после того, как свободные, избранные народом представители скажут нам, что они хотят на наших местах видеть людей, более заслуживающих доверия. Господа, власть берется в эти дни не из сладости власти. Это – не награда и не удовольствие, а заслуга и жертва.

И князь Львов вскоре по собственной воле ушел из правительства. Его сменил Александр Федорович Керенский.

Они с Лениным – земляки, оба из Симбирска. Словесность Ленину преподавал (и читал его первые сочинения) директор симбирской гимназии Федор Михайлович Керенский, отец

будущего главы Временного правительства. Как и Ленин, Александр Керенский стал юристом и тоже оказался в контрах с царской властью. Но не ушел в подполье и не эмигрировал. Прославился участием в громких политических процессах и был избран в Государственную думу, где стал одним из самых заметных депутатов.

Как и Ленин, придерживался радикально левых взглядов. Но присоединился не к социал-демократам, как Владимир Ильич, а к эсерам, социалистам-революционерам – это была главная партия, представлявшая интересы крестьян, большинства населения России.

Сразу после Февральской революции назначенный министром юстиции Керенский выступал в Таврическом дворце. Он появился на трибуне Екатерининского зала, и тысячная толпа зааплодировала.

– Товарищи! – говорил Александр Федорович. – В своей деятельности я должен опираться на волю народа. Я должен иметь в нем могучую поддержку. Могу ли я верить вам, как самому себе? (*Бурные овации, возгласы: «Верим, верим!»*) Товарищи, я не могу жить без народа, и в тот момент, когда вы усомнитесь во мне, – убейте меня! (*Новый взрыв оваций.*) Товарищи, позвольте мне вернуться к Временному правительству и объявить ему, что я вхожу в его состав с вашего согласия, как ваш представитель.

Зал разразился бурными аплодисментами, переходящими в овацию, и возгласами: «Да здравствует Керенский!» Рабочие и солдаты подняли Керенского на руки и понесли. Кого еще из министров носили на руках?

Александр Федорович стал вторым и последним главой правительства, которое объявило амнистию по всем делам политическим и религиозным, свободу союзов, печати, слова, собраний и стачек. Отменило все сословные, вероисповедные и национальные ограничения. Начало подготовку к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое должно было установить форму правления и принять конституцию страны...

После Февраля не было в России более популярного и обожаемого политика. Но Керенский вовсе не был самовлюбленным нарциссом.

«Радостное и даже восторженное ощущение себя как избранника судьбы и ставленника народа в нем, бесспорно, чувствовалось, – замечал современник, – но «хвастовства» и «замашек бонопартеньша», в чем его постоянно обвиняли враги как слева, так и справа, в нем не было...»

Его судьба похожа на судьбу Михаила Сергеевича Горбачева: сначала невероятный восторг, потом полное неприятие. Александр Федорович был государственным и патриотом. И при этом вот уже сто с лишним лет над Керенским принято только издеваться.

Он потерпел поражение. Но почему?

«Думаю, что, если бы Керенский чаще пользовался своим бесспорным правом на отдых, – писал философ Федор Августович Степун, в ту пору начальник политуправления военного министерства, – дело революции от этого только бы выиграло. Большинство сделанных Керенским ошибок объясняется не тою смесью самоуверенности и безволия, в которой его обвиняют враги, а полной неспособностью к технической организации рабочего дня. Человек, не имеющий в своем распоряжении ни одного тихого, сосредоточенного часа в день, не может управлять государством.

Если бы у Керенского была непреодолимая страсть к ужению рыбы, он, может быть, не проиграл России большевикам. Руководство людьми, да еще в революционную эпоху, требует, как всякое искусство, интуиции. Интуиция же, младшая сестра молитвы, любит тишину и одиночество».

Но дело было не в усталости и не в дефиците свободного времени. Демократия – не подарок, не самостоятельно действующий механизм, а форма политической культуры, которую следует развивать и поддерживать. От Февраля до Октября прошло слишком мало вре-

мени. От внезапно свалившейся свободы растерялись. Вертикаль власти рухнула, а привычки к самоорганизации не было. Она бы появилась, но не хватило времени.

Говорили, что Россия не готова к демократии. Ребенок рождается на свет не красавцем. Трудно в этом крохотном существе разглядеть будущую красавицу или олимпийского чемпиона. Но на этом основании не надо выплескивать с водой и ребенка. Ему надо вырасти. А демократия в России такого шанса не получила.

Правящий класс, политический истеблишмент поначалу был доволен Февральской революцией семнадцатого года. Добились, чего хотели: императора нет, вся власть наша! И вдруг неприятное открытие. Выяснилось, что они в России не одни, – есть еще целая страна, народ.

Свергнув Николая II, герои Февраля предельно упростили ситуацию: во всем виновата слабая и предательская власть. Вместо поиска сложных решений – одно простое: сменить власть! Как удобно все свалить на козни врага и снять с себя любую ответственность за происходящее в тылу и на фронте.

А крестьяне в серых шинелях охотно подхватили эту простую и понятную мысль! Но они не удовлетворились одним лишь императором. Выплеснулись копившиеся веками обиды. Врагами стали богатые и преуспевшие. Счет был предъявлен всему правящему классу, истеблишменту, образованным слоям. Требовали низких цен, наказания богатых, черного передела земли... Временное правительство не могло это исполнить и было сочтено слабым правительством. А со слабыми не считаются.

Образованный слой, русские европейцы жаждали политических и социальных перемен – свободы и равноправия. Из подданных – в граждане. Ради этого вели борьбу с устаревающей царской властью. Эта борьба могла увенчаться успехом путем компромиссов, уступок, эволюции. Но не хватило ответственности! В феврале семнадцатого сломали власть. Вместо того, чтобы кропотливо улучшать жизнь. Спешили разрушить старый порядок, а уничтожили порядок как таковой. Хотели обновить Россию, а стали ее корежить.

Крестьяне, составлявшие абсолютное большинство населения страны, не хотели свергать императора. Они просили другого: прекратить войну и раздать им землю. Но крестьяне быстро осознали все выгоды нового положения. Нет царя, нет полиции, нет помещика, значит, исчезли и прежние права на землю. Ее можно брать!

Динамику толпы умело оседлали большевики. Крестьяне ждали, что им раздадут помещичьи и церковные земли. А заодно мечтали избавиться от помещиков, от чиновников, от сборщиков налогов, вообще от любых начальников. И вот сбылось!

Отречение императора Николая II, опустевший трон воспринимались весной 1917 года как исчезновение власти вообще. Полная свобода! Делай что хочешь! Крушение монархии в определенном смысле воспринималось и как крушение церкви. Ведь император был ее главой. Нет императора – нет и веры...

После отречения императора крестьяне любую власть считали незаконной – не признавали права Временного правительства управлять и наказывать. Да и закону подчиняться не хотели, считалось, что законы вправе издавать только Учредительное собрание, а когда оно еще соберется. Крестьяне наслаждались открывшимися возможностями. Полной свободой и вседозволенностью.

Страна разрушалась на глазах. И Керенский уже ничего не мог предложить для спасения разваливавшейся и впадавшей в нищету страны.

Расстрельный приказ

«Говорят, что Керенский развелся и на днях женился на какой-то артистке; утверждают, что венчание было в Зимнем дворце, – записал в дневнике в августе 1917 года профессор-историк Юрий Владимирович Готье. – Как все это печально и грустно! В Петербурге: солдаты грызут семечки, обыватель в панике перед немцами».

В реальности Александр Федорович не развелся и не женился вновь. Это миф. Как и многое другое, что о нем рассказывали и писали. А он пытался спасти Россию, где политические дебаты уже велись с помощью оружия.

В 1917 году судьбу страны решал человек с ружьем. Солдаты не хотели воевать и бросали фронт при каждом удобном случае. Заставить их не только продолжать войну, но и хотя бы тащить армейскую лямку было невозможно. Поэтому солдаты просто возненавидели правительство, которое считало своим долгом сражаться с Германией до победы.

Военно-политический отдел Ставки докладывал о настроениях солдатской массы накануне октября:

«Неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл, желание прийти к какой-нибудь развязке... Армия представляет собой огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованием».

Не антимонархические чувства привели к падению монархии. Наоборот: свержение императора словно санкционировало общенациональный погром. Николая лишили престола – и все развалилось. Было государство – и в один день рухнуло. Революция началась, когда решения стали принимать не в кабинетах, а на улице.

Только поняли это не сразу.

Но многим нравилась такая жизнь! Без царя и без веры. Без полиции и чиновников. Без обязанностей и без работы. Зачем трудиться, если в стране бесконечный праздник? Первая мировая высвободила разрушительные инстинкты человека. Тонкий слой культуры смыло. Все сдерживающие факторы – традиции, правила, запреты – исчезли. С фронта вернулся человек, который все проблемы привык решать силой. В революцию власть, полиция, суд словно испарились. Некому стало соблюдать закон. А раз нет закона, то и моральные нормы словно отменили.

– Если не хотят мне верить и за мной следовать, я откажусь от власти, – бросил в отчаянии Александр Керенский. – Никогда я не употреблю силы, чтобы навязать свое мнение... Когда страна хочет броситься в пропасть, никакая человеческая сила не сможет ей помешать, и тем, кто находится у власти, остается одно – уйти.

Тогдашний французский посол в России недоуменно заметил:

– Когда страна находится на краю бездны, то долг правительства – не в отставку уходить, а с риском для собственной жизни удержать от падения в бездну.

Керенский пытался наладить сотрудничество различных политических сил, искал компромисса. Но в семнадцатом году выяснилось, что самое опасное для начальства – проявить слабость. Если бы глава Временного правительства Александр Федорович Керенский действовал методами большевиков, кто бы лишил его власти?

«Начальник политического сыска доложил руководству военного министерства о заговорщических планах некоторых правых и левых организаций, – вспоминал Федор Степун. – Мы решили добиться от Керенского ареста и высылки некоторых подозрительных лиц. После длившихся до полуночи разговоров Керенский согласился с нашими доводами. Но на рассвете, когда адъютант принес указ о высылке, Керенский наотрез отказался подписать его.

Бледный, усталый, осунувшийся, он долго сидел над бумагой, моргая красными воспаленными веками и мучительно утюжа ладонью наморщенный лоб. Мы молча стояли над ним и настойчиво внушали ему: подпиши. Керенский вдруг вскочил со стула и почти с ненавистью обрушился на нас:

– Нет, не подпишу! Какое мы имеем право, после того как мы годами громили монархию за творящийся в ней произвол, сами почем зря хватать людей и высылать без серьезных доказательств их виновности. Делайте со мною что хотите, я не могу».

Вопрос о введении вновь смертной казни был тяжким испытанием для революционных деятелей.

«Мне, – вспоминал начальник политуправления военного министерства, – пришлось принести на подпись Керенскому только что вынесенный на фронте смертный приговор. Быстро пробежав бумагу, Керенский безо всяких колебаний заменил высшую меру наказания тюремным заключением... Он просто сделал самое для либерала и правозащитника привычное дело... Он вовсе не был на все решившимся революционным вождем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.